

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОДНОЕ ПРАВО

Международное водное право как учебная дисциплина

*Вылегжанин А. Н.**

*Тертус Е. Е.***

В статье, на основе анализа исследований международно-правовых норм о международных пресных водоемах, включая вопросы их судоходного и несудоходного использования, рассматривается содержание возможного учебного курса для магистратуры МГИМО – «Международное водное право». Особое внимание уделено состоянию международно-правового режима подземных вод. Использован обширный международно-правовой материал, как исторического, так и современного характера, включая документы по теме, подготовленные Ассоциацией международного права и Комиссией международного права ООН.

Ключевые слова: пресные воды; управление; международные водотоки; международные реки; судоходное использование; несудоходное использование; подземные воды; Комиссия международного права ООН; Ассоциация международного права.

В рамках курса «Международное право» на международно-правовом факультете МГИМО традиционно освещается тема «Правовой режим международных рек» (или «Международное речное право»). Для России, других государств, образовавшихся на пространстве СССР, эта тема актуальна и потому, что ряд рек, ранее национальных, стали трансграничными. Еще важнее то, что, как не раз отмечено в науке,

* Вылегжанин Александр Николаевич – доктор юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права МГИМО (У) МИД России. danilalvy@mail.ru.

** Тертус Елена Евгеньевна – доктор юрид. наук. sopspravo@mail.ru.

объектами современного международного права являются не только реки, но пресные воды в широком смысле, в том числе и подземные. Соответствующая учебная дисциплина могла бы называться «Международное водное право». Ниже предлагаются предварительные соображения о содержании такой учебной дисциплины, соответствующей учебной программы и, возможно, будущего учебного пособия для уровня магистратуры.

1. Введение. В русской международно-правовой литературе еще в 1894 г. отмечено: «*Вода, кровь земли, какъ ее называютъ поэты, является то благодетельной, то враждебной стихіей по отношенію къ человеку...* На самомъ деле *вода удовлетворяетъ многія насущныя потребности отдельныхъ лицъ и всего общества. Главная роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ преснымъ водамъ. Они служатъ для домашнихъ потребностей каждаго хозяйства и для личныхъ нуждъ каждаго индивидуума; для разныхъ надобностей сельской промышленности (преимущественно орошеніе полей); для рыбной ловли; для целей промышленности обрабатывающей (какъ двигательная сила: мельницы, заводы, фабрики); наконецъ, какъ удобные пути сообщенія. Не говорю уже о значеніи воды для климатическихъ, санитарныхъ и иныхъ данныхъ обитаемой людьми мѣстности*»¹. Этот же юрист-международник пишет: «*Первое же мѣсто среди пресныхъ водъ принадлежитъ, въ условіяхъ болѣе или менѣе значительной культуры человека (а следовательно и населенности страны) – великимъ собраніямъ влаги, рекамъ и озерамъ*»².

Внимание правоведов к пресным водам как объекту международного права объяснимо. Берега известных крупных рек стали местом зарождения *ранних цивилизаций*. В долине, лежащей между *реками Тигр и Евфрат* – Междуречье – около 3 тысяч лет до н.э. возникли города-государства Шумер (в южной части), Аккад (в северной части), Вавилонское царство (на пересечении речных и караванных путей с юга на север). Использование вод рек – строительство оросительных каналов, дамб – стало основным мотивом к объединению в крупные общины, впоследствии – в государства. Это же, при известных климатических, гидрологических особенностях, характерно для древних цивилизаций, возникших *в долине и дельте реки Нил* (Древний Египет), *рек Ганг и Инд* (Древняя Индия), *вдоль берегов рек Янцзы и Хуанхэ* (Древний Китай). «Строго контролируемые ирригационные работы» в Древнем Египте (использование вод Нила) начались, как отмечено учеными, не позднее 3400 лет до н.э.; водопользование в Древнем Китае – в долине реки Хуанхэ – не позднее

1100 лет до н.э.; строительство трубопроводных систем, комнат для омошений и даже плавательных бассейнов в городе Мохенджо-Даро в Древней Индии – в третьем-втором тысячелетии до н.э.; сооружение дамб, каналов для орошения в первых государствах Междуречья – примерно 3 тысячи лет до н.э.³

Фундаментальные два тома о правовом режиме рек приват-доцента Казанского, цитируемые выше, даже не упомянуты в относительно недавней западной монографии по международному водному праву, хотя и содержательной, с точки зрения анализа применимого современного международного права⁴. Но в этой англоязычной монографии история формирования международно-правового режима пресных вод изложена крайне скудно и с большими пробелами. Между тем, содержание самих терминов «международное речное право» и «международное водяное право» (последнее – как более широкое, охватывающее первое) весьма предметно поясняется в двухтомном труде П. Е. Казанского.

2. Историко-правовой экскурс. Для XIX века такое обстоятельное исследование российским правоведом «международного водяного права» не имело в мире аналогов. В нем детально излагаются нормы римского права о пресных водоемах, «речное право средневековой Европы», «национальное речное право» России и иных государств, сложившееся к концу XIX века. Современную ценность имеет изложение автором вклада в международное речное право *Вестфальского конгресса 1648 г.* (ранее «заслоненного») и, особенно, *Парижского* (1814 г.) и *Венского* (1815 г.) конгрессов. Предметные очерки «развития свободного судоходства» по конкретным рекам (в контексте применимого права) – *«Рейну, Шельде, Маасу, Эльбе, Везеру, Дунаю, Висле, Неману, Днестру, Рио де ла Плато, Амазонке, Св. Лаврентия, Миссисипи, Конго, Нигеру, Камеруну»* – снабжены соответствующим «Указателем трактатов, конвенций, регламентов и других актов» относительно правового режима каждой конкретной реки, а также соответствующим «указателем литературы».

Древнейший опыт водопользования показывает, что изначально неморские водоемы имели для человека не навигационное, а иное значение – эти воды использовались, прежде всего, для *питьевых, гигиенических* и, особенно, *ирригационных* целей. В средние века и в новое время, однако, именно судоходное использование рек становится значимым и, соответственно, востребованным в качестве объекта международно-правового регулирования. В современном международном праве приоритетной целью регулирования отношений водопользователей

становится достижение *устойчивости* водоснабжения, оптимальности *управления водными ресурсами* в их *целостности*, с учетом многообразия водопользования.

В средние века власть над территорией означала, как общее правило, тотальную власть и над рекой, протекающей по этой территории. Вместе с тем, наличествуют и попытки установления *договорного режима* международного пользования реками. Так, по договору 1177 г. между семью городами Северной Италии устанавливается свободное плавание по реке с обязательством сторон «открыть воду реки По свободно для всех людей и держать ее для всех людей открытой и ни в какое время ее не закрывать». В 1226–1236 г.г. образуется союз 70 городов для обеспечения свободы судоходства по Рейну»⁵.

Договорно-согласованный режим свободного судоходства по международным рекам, будучи редким в средние века, становится широко признаваемым государствами правилом в новое время, в период растущих потребностей капитала в свободной торговле. Анализ Рейсвикского 1697 г., Утрехтского 1713 г., Раштадского 1714 г., иных международных договоров 17–18 веков позволил отечественным юристам-международникам констатировать *прогресс в области «начавшего зарождаться речного права»*⁶. Россия, например, еще до Венского конгресса 1815 г. – этапного события в развитии такого права – уже предусматривала свободу судоходства по международным рекам. Как отмечено, «...Тильзитский мирный договор с Францией от 25 июня (7 июля) 1807 г. в ст. VIII объявляет свободу судоходства по Висле; конвенция 8 (20) ноября 1810 г. между Россией и Швецией устанавливает свободу судоходства по рекам, пересекающим границы этих государств; договор 7 (19) марта 1810 г. с Австрией – свободу судоходства по Днестру. Последний из этих договоров в ст. III говорит о том, что свобода судоходства по Днестру для подданных обеих империй “имеет существовать по-прежнему”. Стало быть, свобода речного судоходства признавалась здесь и раньше 1815 г.»⁷. Правда, положения международных договоров о свободе судоходства иногда означали лишь «установление определенного размера пошлин и принятие обязательства не вводить новых»⁸.

3. Актуальность. В XXI веке *ценность пресной воды неизмеримо выросла*. Ее мировые запасы остаются без существенных изменений, в то время как население нашей планеты неуклонно растет; потребление пресной воды только за последние 100 лет выросло в 6–7 раз. Средняя обеспеченность населения планеты пресной водой за последние 50 лет

сократилась в 2,5 раза и продолжает падать. Сегодня в мировом хозяйстве используется 55% доступного запаса пресных вод, и к 2030 году потребление воды может, по оценкам специалистов, достигнуть предела⁹.

Дефицит пригодной для питья воды, как прогнозируется, будет усугубляться. На протяжении XX–XXI веков, воздействие человека на водный цикл планеты достигло глобального масштаба. Ежегодно в мире загрязняется от 12 до 17 тыс. куб. км поверхностных вод, то есть порядка половины доступной пресной воды. Становится все меньше рек, иных водоемов, вода которых пригодна к употреблению человеком без очистки. Четыре из пяти случаев заболеваний в развивающихся странах возникает из-за употребления некачественной питьевой воды. Востребованность в водных ресурсах обусловлена не только ростом традиционных видов водопользования: в пищевых, бытовых целях, для орошения, для предприятий гидроэнергетики, промышленности, транспорта и т. п. К этим традиционным видам добавляются новые, например, геотермальная энергетика: использования тепла подземных вод для выработки электрической и иной энергии, для отопления; применения на глубинах более трех километров тепла естественных полостей в горных породах – тепла «котлов», посредством нагнетания туда холодной воды и подачи полученного пара на турбины. Кризис водных ресурсов «будет усугубляться, несмотря на то, что по-прежнему ещё оспаривается сам факт его существования», подчеркивается в докладе «*О состоянии водных ресурсов планеты*» ООН. К тому же вода распределена по поверхности Земли неравномерно, что затрудняет доступ к ней на значительной части планеты¹⁰.

Возрастает и потребность в совершенствовании правового регулирования международных отношений, связанных с использованием пресными водами. По данным ООН, за всю историю было заключено более 3600 международных соглашений, имеющих отношение к неморским водам. Большинство из них касались вопросов судоходства по международным водотокам, прежде всего международным рекам, разграничения в них границ, а также рыболовства.

4. Понятие «международные водотоки». В одном из Приложений к Главному акту Венского конгресса 1815 г. содержатся «*Статьи о судоходстве по рекам, кои протекают по разным государствам или служат оным границею*»¹¹. Этот документ Венского конгресса установил общий правовой режим для пограничных рек (когда река служит границей между государствами) и для трансграничных рек («кои

протекают по разным государствам»). Обзор иных международно-правовых актов об использовании пресноводных ресурсов показывает, что объектом их регулирования являются, главным образом, *реки, озера, а также каналы*. Соответственно, наиболее часто встречаются в них термины «*судоходные пути*» и «*реки*». Во второй половине XX века спектр антропогенного воздействия на пресные воды значительно расширяется, в сферу хозяйственной деятельности вовлекаются новые водные ресурсы, ранее активно не использовавшиеся, в т. ч. *подземные*. Международно-правовое регулирование в этой области расширяется.

С учетом этого, Комиссия международного права ООН в ходе работы над темой «*Право несудоходных видов использования международных водотоков*» юридически оценила данные естественных наук о стоках воды *на поверхности земли и под землей, о «гидрологической системе», включающей «реки, озера, водоносные слои, ледники, водохранилища и каналы»,* и на такой основе сформулировала определение понятия «водоток», означающее «*систему поверхностных и подземных вод, составляющих в силу своей физической взаимосвязи единое целое и обычно стекающих в общее русло*» (ст. 2)¹². Это не означало отказ от термина «реки» как международно-правового; они составляют один из *видов водотоков*, в отношении которых международно-правовое регулирование является *наиболее развитым*. В мире насчитывается, по опубликованным оценкам, более 260 водотоков, которые пересекают границы двух или более государств. Бассейны этих водотоков, на территории которых проживает около 40% населения планеты, занимают почти *половину поверхности земли*, содержат около 60% *запасов пресной воды*. В пределах бассейнов международных водотоков частично находятся территории 145 государств.

Понятием «международный водоток» охватываются как пограничные водотоки, так и пересекающие территории двух и более государств. Понятие «международные реки» относится к рекам, протекающим по территории более чем одного государства, и открытым для международного судоходства.

В юридической литературе в отношении водотоков, главным образом рек, протекающих по территории более чем одного государства, используются еще термины «*многонациональные реки*», «*трансграничные реки*». Следует, однако, иметь в виду, что термины «многонациональный», «трансграничный», не имея строго определенного международно-правового содержания, могут относиться, например, к рекам,

хотя и протекающим по территории нескольких государств, но юридически не открытых для международного судоходства.

5. Виды использования международных водотоков. В широком смысле международно-правовое поле управления пресными водами, кроме договоров, касающихся непосредственно водных объектов, охватывает также договоры государств в сфере сохранения природы, в т. ч. захоронения отходов, торгово-экономических отношений и др. Соответственно, к таким применимым актам относят Конвенцию о биоразнообразии 1992 г.; Рамсарскую конвенцию 1971 г. о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение; Рамочную конвенцию ООН об изменении климата 1992 г.; Конвенцию о сохранении европейской живой природы и природных сред обитания 1979 г.; Бернскую конвенцию о сохранении дикой природы и естественных мест обитания в Европе 1979 г.; документы МАГАТЭ о захоронении радиоактивных отходов (как, например, Siting of Geological Disposal Facilities IAEA Safety Series No. 111-G-4.1) и т. д.

Но в конкретном, *специальном смысле* имеются в виду нормы международного права, устанавливающие *порядок судоходного и несудоходного использования международных водотоков*. При этом, по оценкам, из имеющихся полутора сотен межгосударственных договоров о трансграничных водных объектах 37% касаются использования воды, 39% – гидроэнергетики, 9% – мер в связи с наводнениями и иными стихийными случаями, 6% – промышленного использования воды, примерно 4% – вопросов судоходства и загрязнения, 1% – рыболовства.

6. Судоходное использование. Отмечено, что проблема правового режима рек до конца XIX века «сводилась почти исключительно к свободе судоходства, ... а в отношении несудоходных рек – к вопросам установления и поддержания государственных границ»¹³. Хотя, как выше было показано, древнейший опыт водопользования свидетельствует, что изначально пресные водотоки использовались, прежде всего, для питьевых, гигиенических и ирригационных целей. Но, повторим, в Средние века и новое время приоритетом правового регулирования стало именно судоходство по рекам¹⁴. Анализ договорной практики XVI–XVIII веков¹⁵ показывает, вместе с тем, что положения международных договоров о свободе судоходства нередко «имеют в виду не развитие судоходства, а его стеснение»¹⁶. Автор пишет: «В особенности плохо было положение дела на реках, общих нескольким государствам. На них именно находили себе место ... разорительные перегрузки

и этапы... В большинстве случаев иностранное судно должно было останавливаться у границы государства и передавать свою кладь туземному. Поэтому на некоторых реках товары должны были перегружаться несколько раз. Принудительные перегрузки встречались порою и внутри отдельных территорий»¹⁷.

Вестфальский конгресс 1648 г., как отмечено, «должень быть привести въ порядокъ европейскія отношенія, пришедшія въ невозможный хаосъ во время кровавыхъ перипетій тридцатилетней войны, между прочимъ европейскую торговлю». По этому вопросу ганзейские города предложили: «Пусть запретятъ всякія притесненія на путяхъ сообщенія, именно на рекахъ, въ ихъ портахъ и устьяхъ, притесненія фискальныя и административныя, которыя выражаются въ установленіи новыхъ налоговъ или налоговъ более высокыхъ, чемъ прежніе, въ требованіяхъ, чтобы суда останавливались и выгружали свой грузъ...». Эти пожелания были учтены в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах 1648 г. Ст. LXXXV последнего предусматривала: «Не дозволяется отныне задерживать у того или другаго берега проходящія мимо суда и требовать съ нихъ поборы, кроме техъ, которые платились до войны»¹⁸.

Упомянутый уже Главный акт *Венского конгресса 1815 г.* стал универсальным источником того, что и в настоящее время именуют «международным речным правом»: универсальным как по составу участников, так и по содержанию документа. В Главном акте содержатся предписания о «благоустройстве» рек; положения о пошлинах и о единообразии таких правил судоходства по рекам, которые «благоприятны для торговли всех націй». «Каждая из прибрежных к судоходным рекам Держав принимает на себя содержание в своих владениях дорог для прохода судов посредством бечевой, также и очищение реки, предупреждая чрез то всякіе препятствія для судоходства» (ст. VI). В Главном акте сделан важный шаг к формированию интегрированного правового режима использования рек, но именно в смысле регулирования судоходства. Следует подчеркнуть, что далеко не все договоры о судоходном режиме той или иной трансграничной реки, заключенные до 1815 г. и после него, предусматривают статус этой реки как международной, т.е. открытой для судоходства всех государств. Так, в *Конвенции о судоходстве и экономическом сотрудничестве между государствами бассейна реки Нигер* 1963 г. указано, что использование реки Нигер и ее притоков открыто для каждого прибрежного государства в отношении части реки, находящейся на ее территории (ст. 2).

В совершенствовании правового режима судоходства по международным рекам большую роль сыграл также *Версальский мирный договор 1919 г.* В части XII («Порты, водные пути и железные дороги»), в отделе II («Судоходство») предусмотрены правила о свободе судоходства, в т. ч. специальные положения о реках Эльба, Одер, Неман и Дунай, которые квалифицировались *международными*, а судоходные части этих рек объявлялись *открытыми для судоходства*. На основании Версальского мирного договора были заключены договоры по Дунаю (1921 г.), по Эльбе (1922 г.), Конвенция относительно патентов судоводителей на Рейне (1922 г.).

Важным шагом в развитии международного речного права стала прошедшая в 1921 году под руководством Лиги Наций в Барселоне международная конференция, на которой были приняты *Конвенция о режиме судоходных водных путей международного значения и Статут режима судоходных водных путей международного значения*. Эти документы предусматривали свободу судоходства по международным рекам, и каждая из договаривающихся сторон обязалась предоставить свободу судоходства судам, плавающим под флагом других государств – участников Конвенции¹⁹. Барселонская конвенция и Статут были подписаны представителями более 40 государств Европы, Америки и Азии, однако ратифицированы – их незначительным числом.

Основные подходы к правовому порядку судоходства по рекам, сформулированные Венским конгрессом 1815 г. и Версальским договором 1919 г., а также межгосударственными договорами о конкретных реках оказали влияние на дальнейшее развитие международного права в данной сфере, в т. ч. на формирование правового режима судоходства по Дунаю – крупнейшей европейской международной реки.

7. Правовой режим судоходства по реке Дунай. Еще в соответствии с *русско-австрийской Конвенцией 1840 г.* договаривающиеся державы, в целях развития торговли с использованием Дуная как основного транспортного пути, приняли решение о распространении «на сию реку тех самых правил, которые постановлены Венским конгрессом для свободного судоходства по рекам, отделяющим разные владения или протекающим чрез оные». В Конвенции отражена договоренность о том, что «судоходство по всему течению Дуная... будет совершенно свободно, как вниз, так и вверх по оному; «что австрийские купеческие суда, равно как и суда всякой другой земли, имеющей право судоходства по Черному морю и находящейся в мире с Россией, могут

свободно входить в судоходные устья Дуная, ходить по сей реке вниз и вверх и выходить из оной, не подлежа за сие никаким пошлинам». Предусматривался лишь сбор за поддержание судоходного состояния устья Сулина и для постройки лучшего маяка. При этом оговаривалось, что взимание сбора за очищение устья начинается с того времени, когда «приступлено будет к такому очищению», а «взимание маячной пошлины начнется с освещения маяка»²⁰.

Для подтверждения и развития статуса Дуная как международной реки (т.е. открытой для судоходства гражданских судов всех государств, а не только прибрежных), большое значение, как подчеркивал проф. Ф.И. Кожевников, имел Парижский конгресс 1856 г. Мирный трактат 1856 г. устанавливает, что правила, определенные актом Венского Конгресса, «для судоходства по рекам, разделяющим разные владения или протекающим через оные, будут впредь приемлемы вполне к Дунаю и устьям его». Объясняется, что «сие постановление отныне признается принадлежащим к общему народному европейскому праву и утверждается взаимным ручательством держав...» (ст. 15). Трактат также предусматривает создание для реализации этих постановлений комиссии, в состав которой входили по одному представителю от России, Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии, Сардинии и Турции (ст. 16). Прелиминарный русско-турецкий мирный договор, заключенный в Сан-Стефано 19 февраля 1878 г., и акт Берлинского конгресса 1 (13) июля 1878 г. подтверждают принцип свободы судоходства по Дунаю²¹.

Современный правовой режим Дуная основан на *Конвенции о режиме судоходства на Дунае* 1948 г. Конвенция была заключена СССР, Болгарией, Венгрией, Румынией, Украиной, Чехословакией и Югославией. В дальнейшем состав участников расширился и изменился, в связи с чем были заключены дополнительные протоколы 1998 г. Участниками Конвенции в настоящее время являются: Австрия, Болгария, Венгрия, ФРГ, Молдова, Россия, Румыния, Словакия, Украина, Хорватия, Сербия и Черногория. Ключевое положение – о статусе Дуная как международной реки. Статья 2 Конвенции, устанавливает, что «*навигация на Дунае должна быть свободной и открытой для граждан, торговых судов и товаров всех государств на основе равенства в отношении портовых и навигационных сборов и условий торгового судоходства*». Придунайские государства взяли на себя обязательство содержать свои участки Дуная в судоходном состоянии для речных и морских судов, производить необходимые работы для обеспечения

и улучшения условий судоходства, не ставить препятствий или помех для судоходства на фарватерах Дуная. Суда, плавающие по Дунаю, имеют право (с соблюдением правил, установленных соответствующими придунайскими государствами) заходить в порты, производить в них погрузочные и разгрузочные операции, посадку и высадку пассажиров, а также пополнять запасы топлива, продовольственное снабжение и т.д. Плавание по Дунаю *военных кораблей не придунайских государств воспрещается*. Плавание по Дунаю военных кораблей придунайских стран за пределами водной территории страны, флаг которой несет корабль, может осуществляться *только по договоренности между заинтересованными придунайскими государствами*.

Для развития сотрудничества в реализации Конвенции создана *Дунайская комиссия*. В ее компетенцию входит, частности: – составление общего плана основных работ в интересах судоходства на базе предложений придунайских государств; – производство таких работ в случаях, когда придунайское государство не может это сделать; – установление единой системы навигационной путевой обстановки на судоходном течении Дуная, а также, с учетом специфических условий отдельных участков, основных положений о плавании по Дунаю, включая основные положения лоцманской службы; – унификация правил речного надзора; – координация гидрометеорологической службы на Дунае, издание единого гидрологического бюллетеня и гидрологических прогнозов; – статистика судоходства на Дунае; – издание справочников, лоций, навигационных карт и атласов для нужд судоходств. Члены Комиссии и уполномоченные ею должностные лица *пользуются дипломатическим иммунитетом*. Служебные помещения, архивы и всякого рода документы Комиссии *неприкосновенны*.

8. Несудоходное использование международных водотоков. Это – их использование, прежде всего, как источников *питьевого водоснабжения, ирригации, гидроэнергетики*, а также в *бытовых и рекреационных* целях. Одним из цитируемых договоров в этой сфере является *Женевская конвенция об устройстве гидротехнических сооружений, затрагивающих интересы нескольких государств* 1923 г. В ней была сделана попытка достичь компромисса между принципом суверенитета государства над водными ресурсами в пределах его территории и оптимальным использованием водотока в целях получения электроэнергии.

В 1969 г. Аргентина, Боливия, Бразилия, Парагвай и Уругвай подписали *Договор о бассейне реки Ла-Плата* в целях объединения усилий

для гармоничного развития и экономической интеграции государств бассейна этой реки. В дальнейшем в 1971 г. эти страны приняли *Асунсьонскую декларацию*, в которой, в частности, содержались следующие положения: – в отношении пограничных рек до начала их использования должно быть заключено двустороннее соглашение между соседними государствами; – в отношении рек, протекающих по территории нескольких государств, каждое государство может использовать воды этих рек в соответствии со своими потребностями при условии, что это не наносит значительного ущерба какому-либо другому прибрежному государству; – государства прилагают усилия для сохранения наилучших условий на части реки под их суверенитетом; любые постоянные сооружения не должны препятствовать другим видам использования речной системы; выполнение на реках бассейна постоянных работ в любых целях не должно препятствовать судоходству; – при выполнении постоянных работ на судоходных водных путях государства обеспечивают охрану живых ресурсов.

Что касается международных договоров о конкретных видах несудоходного использования водотоков, то их можно подразделить на несколько категорий, в зависимости от решаемых вопросов. Это, прежде всего, договоры об использовании пресных водоемов как *энергоресурса*: *Соглашение между Францией и Швейцарией о гидроэнергетическом комплексе в Эмоссонской долине 1963 г.*; *Договор между ФРГ и Люксембургом о строительстве электростанции на реке Оур*. Это, далее, договоры, регулирующие рыболовство в пресных водотоках, например, *Соглашение о рыболовстве в водах Дуная 1958 г.* – между Болгарией, Румынией, СССР и Югославией. Известны договоры об *ирригационном использовании пресных вод*: *Соглашение между Болгарией и Грецией о сотрудничестве в использовании рек, протекающих по территориям двух стран 1964 г.* Наконец, это договоры в целях охраны водной среды, предотвращения загрязнения водотоков: *Протокол между Люксембургом и ФРГ о создании Международной комиссии по охране реки Рейн от загрязнения 1963 г.* и т. д.

Отдельно надо отметить вклад *Комиссии международного права ООН* (далее – КМП) в формирование международно-правовых основ несудоходного использования трансграничных водотоков. Комиссия специально исследовала вопрос «*Право несудоходных видов использования международных водотоков*»²². В ходе рассмотрения этой темы Комиссия юридически оценила огромный массив естественнонаучных

данных о поверхностных и подземных водах; обобщила и систематизировала применимые международно-правовые источники, в том числе договоры двусторонние и региональные; определила наиболее перспективные международно-правовые подходы к управлению водными ресурсами. В число *«общих принципов»* несудоходного использования международных водотоков КМП обозначила: «справедливое и разумное» их использование; «обязательство не наносить значительный ущерб»; «обязательство сотрудничать»; обязательство обмениваться «легкодоступными данными и информацией «гидрологического, метеорологического, гидрогеологического и экологического характера». Обозначенная КМП концепция справедливого и разумного использования международных водотоков является емкой. Разнообразие международных водотоков, как и потребностей человека в их использовании, делают невозможным составление исчерпывающего перечня факторов, обуславливающих такую справедливость и разумность. С учетом этого Комиссия сформулировала признанные факторы, такие, как: – географические, гидрографические, гидрологические, климатические, экологические и другие факторы и природного характера; – социально-экономические потребности государств водотока; – зависимость населения от водотока в конкретном прибрежном государстве; – воздействие видов использования водотока в одном государстве на другие государства; – существующие и потенциальные виды использования; – сохранение, защита, освоение и экономичность использования водных ресурсов водотока и затраты на принятие мер в этих целях; – наличие альтернатив планируемому и существующему виду использования, имеющих сопоставимую ценность. В теоретическом плане интересно, что КМП отвергла идею установления юридической иерархии видов использования международного водотока. Это означает, что никакой вид использования международного водотока *a priori*, вне конкретного контекста, не обладает приоритетом перед другими видами использования (ст. 10). В случае же возникновения противоречий между видами использования противоречие должно разрешаться *с учетом принципов справедливого и разумного использования и обязанности не наносить ущерб*, а также с особым вниманием *«к требованиям удовлетворения насущных человеческих нужд»*. Согласно комментариям Комиссии, это означает, что особое внимание должно уделяться обеспечению достаточного для поддержания жизни человека количества воды, включая как питьевую воду, так и воду для производства продовольствия.

КМП сформулировала общие установления о защите и сохранении экосистемы водотоков, а также управлении ими с особым акцентом на меры предотвращения их загрязнения. Согласно ст. 20, государства водотока – индивидуально или совместно – обеспечивают защиту и сохранение *экосистемы международных водотоков*. По просьбе любого прибрежного государства проводятся «консультации в целях составления перечней веществ, привнесение которых в воды международного водотока должно быть запрещено, ограничено, расследовано и проконтролировано (ст. 21). Государства водотока принимают все меры в отношении водотока, необходимые для защиты и сохранения среды «с учетом общепризнанных международных норм и стандартов» (ст. 23). Понятие «общепризнанные международные нормы и стандарты» имеет конкретное юридическое содержание и, по мнению КМП, означает: нормы «общего международного права»; нормы, «закрепленные в международных соглашениях», а также стандарты, «принятые государствами и международными организациями в соответствии с этими соглашениями». В ст. 24 предусмотрено, что по просьбе любого государства водотока могут начаться консультации относительно *управления международным водотоком*, которое может включать *учреждение совместного механизма управления*. В данном контексте «управление» подразумевает, прежде всего, планирование устойчивого освоения международного водотока и обеспечение осуществления принятых таких планов, а также поощрение иным образом рационального и оптимального использования водотока, его защиты и контроля над ним. КМП предложила также правовые рамки для случаев чрезвычайных ситуаций и вооруженных конфликтов.

Статьи, подготовленные КМП, стали основой для *Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков* 1997 г. (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 21 мая 1997 г., в резолюции 51/229)²³.

9. Бассейновое управление международными водотоками. С резким ростом во второй половине XX в. антропогенного воздействия на природу в целом и на гидросферу в частности, заключение международного договора в отношении какого-либо одного вида использования водотока не обеспечивало бы его сохранение как экосистемы; не гарантировало бы его долговременного и разумного использования разными пользователями в различных прибрежных государствах. Эффективно возникла необходимость в разработке международно-правовых

основ *гармоничного управления международными водотоками в их целостности*.

Об управлении в контексте международного права предметно писал корифей отечественной науки международного права проф. Мартенс Ф. Ф. «Предметом международного управления», отмечал он, «является совокупность всех государственных задач и правовых отношений, выходящих за пределы территории государства»²⁴. Следствие этого – необходимы соглашения между государствами, обязанность уважать каждым из них самостоятельность другого. По мнению автора, «международное управление по своему существу имеет договорный характер»²⁵. Концепции Ф. Ф. Мартенса о международном управлении отражает идею *целесообразности и динамичности*, что имеет непосредственное отношение и к управлению государствами водными объектами. «Верховный принцип международного управления – целесообразность», подчеркивает Ф. Ф. Мартенс. «Как договоры, так и все меры, принимаемые государствами для разрешения своих международных административных задач, должны быть согласны с теми целями, к которым стремятся народы в данную эпоху своего существования. Цели же эти постоянно изменяются. Отсюда следует, что и содержание... самого права международного управления подлежит постоянному изменению и развитию...»²⁶.

Эти теоретические идеи о сути управления международными отношениями на основе международного права более полувека спустя были практически востребованы при разработке международно-правовых основ управления международными водотоками.

Первый шаг в этом направлении был сделан *Ассоциацией международного права*, которая после многолетней работы приняла известные «Хельсинкские правила использования вод международных рек» (изложены в Отчете о ее 52-й Конференции, состоявшейся в 1966 г. в Хельсинки)²⁷. В Хельсинкских правилах отражен новый подход к использованию пресноводных ресурсов – *справедливое использование вод международного водотока на бассейновой основе*. «Каждое государство бассейна (each basin state) имеет право, в пределах своей территории, на разумную (reasonable) и справедливую (equitable) долю выгодного использования вод бассейна международного водотока» (ст. IV Правил). Ассоциация международного права, осознавая перспективность данной проблематики, продолжала работать над этой темой и после принятия Хельсинкских правил. Подходы, нашедшие

отражение в документе 1966 г., получили затем развитие. Соответственно, в 2004 г. Ассоциация приняла новые *Берлинские правила*. В настоящее время *бассейновый принцип* активно применяется, он предусмотрен в ряде международных договоров, актов недоговорного характера, среди которых: *Программа разработки региональной стратегии системы водоносного горизонта Нубийских песчаников* (2000 года); *Рамочная конвенция по защите и устойчивому развитию Карпат* (2003 года); *Африканская конвенция об охране природы и природных ресурсов* (2003 года); *Конвенция по сотрудничеству в области охраны и устойчивого использования Дуная* (1994 года); *Трехстороннее временное соглашение между Республикой Мозамбик, Южно-Африканской Республикой и Королевством Свазиленд о сотрудничестве в области защиты и устойчивого использования водных ресурсов водотоков Инкомати и Мануту* (2002 года); *Рамочное соглашение по бассейну реки Сава* (2002 года); *Конвенция об устойчивом развитии бассейна озера Танганьика* (2003 года); *Протокол об устойчивом развитии бассейна озера Виктория* (2003 года); *Протокол о внесении изменений в Соглашение между Соединенными Штатами Америки и Канадой 1978 года относительно качества водных ресурсов Великих Озер с поправками, внесенными в 1983 году; Соглашение о сотрудничестве в целях охраны и устойчивого использования вод испано-португальских гидрографических бассейнов* (1998 года).

10. Управление бассейном Дуная. Среди международных договоров, касающихся управления международными водотоками на основе бассейнового принципа, особое место занимает указанная выше *Софийская конвенция о сотрудничестве в защите и устойчивом использовании реки Дунай* (The Convention on Cooperation for the Protection and Sustainable Use of the River Danube) 1994 г., подписанная Австрией, Болгарией, Хорватией, Чешской Республикой, Германией, Венгрией, Молдавией, Румынией, Словакией, Словенией, Украиной, а также Европейским сообществом. Краткое ее название – *Конвенция о сохранении реки Дунай*. Этот договор знаменателен не только потому, что устанавливает правовой режим сохранения и управления водами крупнейшей международной реки, но и потому что представляет собой содержательно широкий правовой механизм бассейнового управления трансграничным водотоком²⁸. Дунайский бассейн охватывает площадь более 800 000 кв. км, эта территория имеет огромное экологическое, экономическое, историко-культурное и социальное значение.

Антропогенное воздействие на бассейн Дуная все более возрастает; источники загрязнения – сельское хозяйство, промышленные города. Серьезную нагрузку на экосистему Дуная оказывают ирригация, гидроэлектростанции, в меньшей степени – рыболовство, туризм, рекреация. Кроме того, и сама река Дунай представляет собой и значительный источник загрязнения *Черного моря*.

Основная цель Конвенции – обеспечить *устойчивое и справедливое использование поверхностных и подземных вод дунайского бассейна и управление ими*. Это подразумевает: – сохранение, улучшение качества и рациональное использование поверхностных и подземных вод; – принятие предупредительных мер в целях контроля рисков, порождаемых наводнением, оледенением, загрязнением опасными веществами или другими явлениями и инцидентами; – принятие мер, направленных на сокращение загрязнения Черного моря из источников, находящихся в дунайском бассейне. Водосборный бассейн Дуная определен как гидрологический бассейн. Сотрудничество в управлении водами бассейна Дуная должно быть направлено на: – защиту экосистемы; – поддержание высокого качества жизни; – постоянного доступа к природным ресурсам; – сокращения длительного ущерба окружающей среде; – предупреждения существенного ущерба.

Конвенция устанавливает правовые рамки видов деятельности, оказывающей трансграничное воздействие на состояние бассейна. К ним отнесены: – сброс сточных вод, поступление опасных веществ из точечных и рассеянных источников загрязнения, воды из систем теплоснабжения; строительные работы, в том числе по регулированию речного стока. Предусмотрены положения о водоотводе, контроле наводнений и оледенений, а также о функционировании сооружений, находящихся непосредственно в речном русле или на берегу, но оказывающих влияние на гидрологический режим бассейна. Регламентируется иная деятельность в сфере водопользования: выработка электроэнергии, «переброс» воды или водозабор. Предусмотрены меры по предотвращению нарушения гидрологического режима, эрозии, подтопления, обмеления, а также меры, направленные на защиту экосистем.

Сотрудничество на основе этой Конвенции охватывает: предупреждение, контроль и сокращение трансграничного воздействия; специальные меры защиты водных ресурсов; ограничение сбросов; инвентаризация источников загрязнения; программы мониторинга; предоставление докладов по предусмотренным конвенцией направлениям;

консультации; обмен информацией и предоставление информации общественности; научные исследования; разработку систем предупреждения и оповещения, планов на случай чрезвычайной ситуации, взаимопомощь. В целях реализации конвенции создана *Международная комиссия по защите Дуная*, состоящая из делегаций стран-участниц Конвенции.

II. Хельсинкская конвенция 1992 г. и опыт ЕС. На основе бассейнового подхода выстроена также *Хельсинкская конвенция о защите и использовании трансграничных водотоков и международных озер (Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes)*, 1992 г. Конвенция направлена на развитие европейского сотрудничества в управлении трансграничными водными объектами. Сотрудничество развивается на следующих конвенционных нормах: меры по предотвращению, контролю и сокращению загрязнения действуют в источнике загрязнения; такие меры не должны приводить к переносу загрязнения на другие природные среды; стороны руководствуются принципами предосторожности, «загрязняющий платит» и устойчивого развития. Предусматриваются такие конкретные меры, как предотвращение загрязнения трансграничных вод из точечных источников путем лицензирования сброса отработанной воды, его мониторинга и контроля; лимиты на сброс устанавливаются на основе наилучшей имеющейся технологии; устанавливаются более жесткие требования, вплоть до запрещения определенной деятельности, если это необходимо для сохранения качества воды или экосистемы; развиваются подходящие методы и наилучшая экологически взвешенная практика для сокращения загрязнения воды из рассеянных источников, в особенности связанных с сельским хозяйством; применяется процедура оценки воздействия на окружающую среду; принимаются дополнительные меры для предотвращения загрязнения подземных вод; разрабатываются планы на случай чрезвычайной ситуации. При этом государства бассейна развивают сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе. Первый шаг в таком сотрудничестве – определение границ бассейна как *пространственной сферы взаимодействия*. На основе таких соглашений могут создаваться *совместные органы* для сбора данных об источниках загрязнения, для разработки программ совместного мониторинга, согласованных критериев качества воды, для участия в проведении оценки воздействия на окружающую среду, для сотрудничества в сфере наилучших имеющихся технологий.

Международно-правовой вклад в практику реализации механизмов бассейнового управления внесли и документы *Европейского Союза* (далее – ЕС). Важнейшая из них – директива 2000/60/ЕС Европейского Парламента и Совета от 23 октября 2000 г., в которой сформулированы основы политики в отношении водных ресурсов²⁹. Концепция данного документа выражена в следующем положении: *вода не является коммерческим продуктом*, но к воде *следует относиться более как к наследию*, которое нужно сохранять и защищать (“Water is not a commercial product like any other but, rather, a heritage which must be protected, defended and treated as such”). *Речной бассейн* при этом понимается как неоднородное пространство: *суша берегов*, все поверхностные воды которой (через реки и озера) попадают в одно устье, эстуарий или дельту. На основе границ бассейна определяется *район речного бассейна* (“river basin district”), который и составляет *гидролого-административный объект* управления. Содержание понятия «район речного бассейна» – шире, чем понятие «речной бассейн». Район речного бассейна означает пространство суши и воды, охватывающее один или несколько *соседних речных бассейнов*, включая *подземные и прибрежные воды*. Если границы подземных или прибрежных вод сложно определить, эти воды, в целях управления, включаются в ближайший район речного бассейна. *Каждое государство* определяет границы таких районов *на своей территории* и создает *администрации районов речных бассейнов*. Государства могут также создавать *международные районы речных бассейнов* и координировать свои действия и программы в целях охраны окружающей среды. На такой правовой основе рекомендуется сотрудничать и с государствами – не являющимися членами ЕС. В директиве ЕС предусмотрены четкие параметры *управления районом речного бассейна*. В отношении каждого такого района государство: проводит анализ его характеристик, антропогенного воздействия, состояния поверхностных и подземных вод, а также экономический анализ водопользования сообразно разработанной технической спецификации; составляет регистр или регистры участков, требующих специальной защиты в соответствии с правом ЕС (такие регистры включают все категории водных объектов, на которые распространяется директива, и должны постоянно обновляться); – разрабатывает ценовую политику, которая должна способствовать наиболее эффективному использованию воды, достижению природоохранных целей, дифференцированному использованию воды, с учетом

принципа «загрязняющий платит»; – разрабатывает программу мер для каждого района в целях его сохранения, защиты и разумного использования; – принимает меры к вовлечению в осуществление директивы всех заинтересованных сторон, особенно в разработку, оценку и обновление планов по управлению районом. Проекты таких планов должны публиковаться и быть открыты для замечаний и комментариев всех водопользователей.

12. Управление подземными водами. Бассейновое управление охватывает также вопросы использования и охраны подземных вод. Вместе с тем, их *гидрогеологическая специфика* и возросшее *антропогенное воздействие* на подземные горизонты сделали актуальным разработку *специальных международно-правовых норм об управлении подземными водами*. В 2004 г. Комиссия международного права ООН (КМП) завершила работу над темой по праву трансграничных водоносных горизонтов и представила соответствующий проект статей (“Draft Articles on the Law of Transboundary Aquifers”) Генеральной Ассамблее ООН³⁰. Следует отметить, что эта тема была выделена КМП для специального рассмотрения в общей проблематике трансграничных ресурсов.

Статьи охватывают юридические аспекты использования подземных вод; иных видов деятельности, которые могут оказать воздействие на подземные воды; меры по защите, сохранению и управлению подземными водами. Под «водоносным горизонтом» понимается слой проницаемой водонасыщенной геологической породы, находящийся над менее проницаемым слоем, и воду, содержащуюся в насыщенной зоне породы. Основной принцип, предусмотренный в документе КМП – это справедливое и разумное использование подземных вод. «Использование» в данном случае включает *извлечение воды, тепла и полезных ископаемых*, а также *хранение и утилизацию* любых веществ. Обязанность использовать «справедливо и разумно» означает, в частности, обязанность стремиться к тому, чтобы *использовать подземные воды максимально долго; принимать индивидуально или совместно всеобъемлющие планы использования с учетом потребностей нынешнего и будущих поколений; не изымать подземные воды до степени их истощения*.

В представленных статьях большое внимание уделено вопросам защиты, *сохранения и управления подземными водами* (Часть третья документа КМП). Следует отметить особенность и новизну, содержащихся в этой части положений. При их разработке КМП стремилась

максимально учесть *гидрогеологические особенности подземных вод*, их огромную роль в поддержании гидрологического баланса, а также сложности определении границ водоносных горизонтов, их *мониторинга и сохранения*. Комиссия, формулируя положения об *управлении подземными водами*, сделала акцент на применении *экосистемного подхода и многоаспектного тесного сотрудничества* государств, причем не только тех, на чьих территориях находится водоносный горизонт, но и соседних. Следует иметь в виду, что понятие «экосистема» в данном правовом контексте обозначено с особенностями: экосистема в целом, как зависящая от водоносных горизонтов; и локальная экосистема, которая существует внутри каждого водоносного горизонта, например в карстовом водоносном горизонте (ее собственное «выживание» в этом случае зависит от функционирования связанных водоносных горизонтов). В контексте этой схемы объектов права экосистема также наличествует вне водоносных горизонтов; но ее поддержание может зависеть от водоносных горизонтов, особенно в плане поступления определенного объема, качества подземных вод. Так, например, от водоносных горизонтов зависит экосистема некоторых озер.

Согласно проекту статей КМП: – государства водоносного горизонта принимают меры для защиты и сохранения экосистем, которые находятся в пределах их трансграничных водоносных горизонтов, зависят от них; все государства, которые не являются государствами водоносного горизонта, но на территории которых расположена его зона «подпитки» или «разгрузки», *должны сотрудничать* с государствами водоносного горизонта в целях его *защиты*, а также защиты *соответствующих экосистем*; государства водоносного горизонта осуществляют его *мониторинг* по возможности *совместно*. В тех случаях, когда это невозможно, они обмениваются друг с другом данными мониторинга; при этом используются *согласованные или гармонизированные стандарты и методологии* мониторинга. В этих целях государства определяют ключевые параметры, мониторинг которых будет осуществляться на основе согласованной концептуальной модели водоносных горизонтов; государства разрабатывают и осуществляют *планы управления трансграничными водоносными горизонтами*. По просьбе любого из них они проводят консультации относительно управления трансграничным водоносным горизонтом или их системой. Когда это уместно, создается *совместный механизм управления*; государство проводит оценку возможных трансграничных последствий конкретной

планируемой деятельности, своевременно – до начала такой деятельности – уведомляет об этом другие государства и, если нужно, проводит консультации.

В статьях рассматриваются обязательства государства по реагированию на чрезвычайные ситуации, связанные с трансграничными водоносными горизонтами. В системе водоносных горизонтов чрезвычайные ситуации могут быть менее частыми, но более разрушительными (например, катастрофическое цунами у побережья Индийского океана, ставшего результатом мощного землетрясения в районе Банда-Аче, Индонезия, в 2004 году). Цунами, циклоны могут привести к затоплению *водоносного горизонта морской водой*, а землетрясение – к его *разрушению*.

КМП, учитывая возросшие возможности антропогенного воздействия на геосферу и гидросферу, придала большое значение *защите водоносных горизонтов в период вооруженных конфликтов*. Положения этой статьи сформулированы на основе существующих договоров в сфере использования пресных вод, а также международного гуманитарного права. В соответствии с проектом КМП, трансграничные водоносные горизонты и относящиеся к ним сооружения, установки и другие объекты пользуются защитой, предоставляемой согласно принципам и нормам международного права, применимым в случае международных и немеждународных вооруженных конфликтов, и не используются в нарушение этих принципов и норм.

Как отмечается в комментариях КМП, отравление водных источников запрещается Гаагскими конвенциями 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны и статьей 54 Дополнительного протокола I 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года; статья 56 этого Протокола предусматривает защиту плотин, дамб и других объектов от нападения, которое «может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения». Аналогичная защита обеспечивается в случае немеждународных вооруженных конфликтов в соответствии со статьями 14 и 15 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 года. Защита водных объектов в период вооруженного конфликта предусматривается также положением Протокола I, согласно которому «при ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного долговременного и серьезного ущерба». В случаях, не охватываемых конкретными нормами, определенная основополагающая защита обеспечивается

«клаузулой Мартенса». Эта клаузула, напомним, впервые была включена в преамбулу Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов, а впоследствии вошла в ряд конвенций и иных международно-правовых актов. В настоящее время она стала нормой общего международного права. По смыслу клаузулы Мартенса, в случаях, не охватываемых конкретными международными соглашениями, на гражданское население и военнослужащих тем не менее распространяются защита и действие принципов международного права, вытекающих из установившегося обычая, принципов гуманности и норм общественной морали.

13. Берлинские правила. Международно-правовое регулирование сохранения и использования пресноводных ресурсов находится в развитии, охватывая все новые направления использования этих ресурсов, а также отражая растущее понимание их биосферного значения. Большую роль в критическом осмыслении накопленного опыта и формировании наиболее перспективных международно-правовых подходов в этой сфере играют доктрины международного права. В 2004 г. Ассоциация международного права, объединяющая многих ученых и практиков, предложила новый свод правил управления водными ресурсами – так называемые *Берлинские правила*. Они, по преобладающим научным оценкам, идут значительно дальше по своей проработанности упомянутых выше *Хельсинкских правил 1966 г.* В новом документе принято во внимание развитие после 1966 г. в этой области международного права, как договорного, так и обычного, а также новеллы в экологическом, гуманитарном праве и в защите прав и основных свобод человека.

Берлинские правила, охватывая навигационное и ненавигационное использование водных ресурсов, формируя принципы их сохранения, сосредоточены на управлении ими на основе бассейнового принципа. Правила относятся ко всяким водным ресурсам: находящимся на территории одного государства; имеющим трансграничный характер. Управление ими должно носить всеобъемлющий (conjunctive) характер³¹, что означает – в отличие от интегрированного – управление водами бассейна как целостной системой, охватывающей поверхностные и подземные воды. Само понятие «управление» означает, в контексте Правил, развитие, использование, защиту, распределение, регулирование, и контроль количества и качества воды и не только в узком, техническом смысле (“development, use, protection, allocation, regulation, and control of waters, regarding the quality and the quantity of waters, and not in a narrow, technical sense”).

Восприняв все ценное в содержании Хельсинкских правил, Берлинские правила предусматривают ряд принципиально новых в данной области положений, отражающих применимое обычное право, прогрессивное развитие международного регулирования в данной сфере, с учетом новых проблем, связанных с использованием пресной воды в глобальном масштабе. В числе таких положений следует отметить: право населения на свободный доступ к воде; право на получение информации и участие в принятии решений, касающихся управления речным бассейном; процедура оценки воздействия на окружающую среду, в том числе в трансграничном контексте; обязательство государств обеспечить образование на всех уровнях, с тем, чтобы повысить понимание важности вопросов, решаемых в Правилах; принятие мер для поддержки коренных малочисленных народов; сохранение экосистем, зависящих от определенных источников воды; принцип предосторожности, который должен применяться при разработке планов и использовании поверхностных и подземных вод; предотвращение привнесения видов, чужеродных данной экосистеме; сотрудничество в чрезвычайных ситуациях (случаях загрязнения, наводнений и др.). Специальные разделы посвящены управлению подземными водами, в том числе трансграничными; судоходству, а также сохранению водных ресурсов в период вооруженных конфликтов.

International Water Law as a Branch of Legal Science (Summary)

*Alexander N. Vylegzhanin**

*Helen E. Tertus***

The article is devoted to the international legal basis of fresh water resources management with primary attention to international watercourses, including legal regulations of navigational and non-navigational uses. The content of a special course – “International Water Law” is suggested. Special attention is paid to the legal regime of underground waters. The results of analysis of numerous international legal documents are represented in the article, both of historical and modern importance, including relevant documents prepared by the Association of International Law and by the International Law Commission of the United Nations.

Keywords: fresh water; management; international watercourses; International Water Law; International Rivers; navigational uses; non-navigational uses; underground waters; UN International Law Commission; Association of International Law.

¹ Казанский П. Е. Договорные реки. Очерки истории и теории международного речного права. Том I. Казань. 1894 г. С. 1. Текст здесь цитируется в оригинальном написании.

² Там же. С. 2.

³ Oxford Encyclopedia of World History / Compiled by Market House Books Ltd. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – P. 211–213. Teclaff L. The river Basin in History and Law / L. Teclaff. – 1967. – P. 15–18. См. также: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: «МГИМО-Университет», 2008. 200 с.

⁴ International Water Law / International and National Law and Policy Series. Editor P. Wouters. Klumer Law International. London-The Hague-Boston. 1997. P. 371.

⁵ Коровин Е. А. История международного права. Вып. I (от древности до конца XVIII века). Пособие к лекциям / Е. А. Коровин. – М.: Военно-юридическая академия Красной Армии, 1946. – С. 22.

⁶ Баскин Б. Я., Фельдман Д. И. История международного права / Б. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 98.

* Alexander N. Vylegzhanin – Doctor of Laws, professor, Head of the Chair of International law MGIMO-University MFA Russia. danilavly@mail.ru.

** Helen E. Tertus – Doctor of Laws. sopspravo@mail.ru.

- ⁷ Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право до XX века / Ф. И. Кожевников. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1947. – С. 150–151.
- ⁸ Баскин Ю. Я. Международно-правовые вопросы использования рек (судоходство, производство электроэнергии, ирригация) / Ю. Я. Баскин // Советский ежегодник международного права 1961. – 1962. – С. 252.
- ⁹ Исползованы фактические данные из книги В. Каширина «Время гидрополитики, или Тайная власть воды» http://gpf-europe.ru/upload/iblock/a7c/the_time_of_hydropolitics.pdf
- ¹⁰ См. подробнее: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: «МГИМО-Университет», 2008. – С. 5–21.
- ¹¹ Главный акт Венского конгресса, подписанный 9 июля 1815 г. Россией, Испанией, Францией, Великобританией, Португалией, Пруссией, Швецией и Австрией. Русский текст см.: Мартенс Ф. Сборник трактатов конвенций. В 4 т. Т. 3 – СПб., 1876. – С. 504–507. Английский текст см.: Final Act of the Congress of Vienna June 9, 1815 // Martens Nouveau Recueil. – Ser. 3. – P. 414.
- ¹² Отметим, что в русском тексте доклада Комиссии по данному вопросу термин «ground waters» переведен как «грунтовые воды». Такой перевод некорректен с точки зрения гидрологии и искажает юридический смысл понятия водотока. Грунтовые воды – это один из компонентов подземных вод.
- ¹³ Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права – М.: Международные отношения, 1990. – С. 254.
- ¹⁴ См. подробнее: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: «МГИМО-Университет», 2008.
- ¹⁵ См.: Баскин Б. Я. Цит. Соч. – С. 98. Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право до XX века. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1947. – С. 150–151.
- ¹⁶ Казанский П. Е. Цит. соч. С. 112.
- ¹⁷ Там же. С. 113.
- ¹⁸ Казанский П. Е. Цит. соч. С. 117–118.
- ¹⁹ См. В. Каширина «Время гидрополитики, или Тайная власть воды» http://gpf-europe.ru/upload/iblock/a7c/the_time_of_hydropolitics.pdf
- ²⁰ Кожевников Ф. И. Цит. Соч. – С. 152–153.
- ²¹ Кожевников Ф. И. Цит. Соч. – С. 151.
- ²² См., подробно: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: «МГИМО-Университет», 2008 г.
- ²³ Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses. / Vol. II. United Nations. New-York. 2007. P. 266–283. Русский текст Конвенции опубликован в: Московский журнал международного права. № 4. 2002 г. С. 257–278. См. в этом же номере журнала также комментарий к тексту этой Конвенции: Саваськов П. В. Право несудоходных видов использования международных водотоков. / Московский журнал международного права. № 4. 2002 г. С. 279–284.
- ²⁴ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. Т. 2 / – 5-е изд. – СПб., 1905. – С. 3.
- ²⁵ Там же, с. 6–7.
- ²⁶ Там же, с. 9.

²⁷ Helsinki Rules on the Use of Waters of International Rivers.— Report of the Fifty-Second Conference of the International Law Association Held at Helsinki, August 14–20, 1966.— 1967.

²⁸ См. подробнее: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина.— М: «МГИМО-Университет», 2008 г.

²⁹ Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council of 23 October 2000 establishing a framework for Community action in the field of water policy (OJ L 327, 22.12.2000, p. 1)

³⁰ Official Records of the General Assembly, Sixty-third Session, 2004, Supplement No.10 (A/63/10).

³¹ Conjunctive management means management of the waters of a drainage basin as a whole by a regime that takes into account the interconnections of surface and subsurface waters within the drainage basin. These Rules reserve “integrated management” for management that integrates the management of water resources with other resources.